

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 8-го Мая 1911 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10287.

КАРПЫЧЬ.

(Разсказъ).

Насъ было шестеро, но вдругъ появился седьмой.
Это былъ Карпичъ.

Пришелъ онъ къ намъ въ теплый, тихій, лѣтній вечеръ, когда мы, кончивъ полевые работы и убравъ скотъ, устали, молчаливые и потные, укладывались уже спать.

Карпичъ вошелъ въ нашу просторную, слабо освѣщенную кухню, гдѣ мы ъли и спали, какъ свой, знакомый уже человѣкъ, поздоровался, отыскавъ глазами табуретъ, положилъ на него широкополую, поношенную, запыленную шляпу и тощую, грязную, холщевую котомку, и произнесъ:

— Севастьянъ Карпичъ Рѣпкинъ. Былъ народнымъ учителемъ, но сталъ не угоденъ и посвятилъ себя невольному изученю отечества въ его географическомъ, этнографическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Буде же поставленъ въ извѣстность о вашемъ братскомъ житіи, прибыль къ вамъ, дабы быть членомъ о приятіи меня въ лоно вашей тихой обители.

Маленькая, кругленькая фигурка Карпича, его измуренное, истощенное, загорѣлое лицо и ли-

хорадочно блестѣвшіе голубые глаза, въ которыхъ было страданіе и грусть, не соотвѣтствовали комизму его словъ, и, вмѣсто того, чтобы разсмѣяться, мы, почти не вслушиваясь въ то, что онъ говорилъ, старались глубже заглянуть въ его душу.

Поэтому, пока Карпичъ аттестовался, Фроль, какъ называли мы нашего ученаго агронома Фролова, сдѣлалъ страдальческое лицо и, обратившись къ дежурному по кухнѣ, тихо спросилъ:

— Рыжій, не осталось ли чего-нибудь съѣдобнаго?

Рыжій, все время сосредоточенно разматривавшій Карпича, быстро под-

Труппа дѣтского кружка Общества физического развитія и защиты дѣтей въ Харьковѣ.

Дѣти-участники праздника дѣтского кружка Общества физического развитія и защиты дѣтей.

нялся, вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ принесъ и вылилъ въ деревянную миску большую кринку молока.

— Борщъ весь пожрали, чертиолосатые, шепнуль онъ, подойдя къ Фролу: такъ я ему молока.

Фроль утвердительно кивнулъ головой.

Въ это время отрапортовавшійся Карпичъ сидѣлъ уже на табуретѣ, пытливо всматривался въ наши лица и старался, повидимому, прочесть на нихъ рѣшеніе своей участіи.

Но томиться и ждать Карпичу долго не пришло.

Переглянувшись, мы почти всѣ въ

одинъ голосъ сказали:

— Ну, что жъ, оставайтесь, если хотите. Однимъ человѣкомъ больше будетъ...

Карпичъ просиялъ. Лицо его покрылось густымъ румянцемъ, глаза засвѣтились радостью, онъ быстро поднялся съ мѣста и, не находя словъ, молча, нервно и крѣпко сталъ жать наши грубые, заскорузлые руки.

— А рука-то у васъ тонкая и нѣжная, замѣтилъ шутя Рыжій, когда подошелъ къ нему Карпичъ. Какъ-то вы будете пахать? Силенки-то, видно, не ахти сколько...

Карпичъ сконфузился.

— Что жъ, не пригожусь для пахоты, буду варить, жарить, коровъ доить, лошадей убирать. Вѣдь, бабы-то видно все равно не имѣются? А готовить я умѣю и здоровово.

— Ну?! удивились всѣ.

— Право. Взоръ Карпича остановился на мискѣ съ молокомъ.

— Сядьте-ка, пойште, сказалъ ему Фроль: а потомъ будемъ разговаривать. Бѣть-то, чай, хочется.

— Въ самомъ дѣлѣ, присядьте-ка, подкрѣпите, замѣтилъ Рыжій и положилъ на столъ хлѣбъ и ложку.

Карпичу было неловко. Онъ помялся, украдкой взглянулъ на насъ, сѣлъ и сначала нерѣшительно, вяло, затѣмъ болѣе смѣло, энергично и жадно сталъ есть молоко съ хлѣбомъ.

— Вы удивились, что я могу быть за повара, начальъ онъ, не отрываясь отъ ёды. Эхъ, нужда чему не научить. Пришелъ я какъ-то въ Воронежъ. Работы никакой: Думалъ, думалъ и рѣшилъ сдѣлаться поваромъ. До-сталъ книгу Молоховецъ, проштудировалъ нѣсколько блюдъ и помѣстилъ объявление въ газѣтѣ:

— Поваръ желаетъ получить мѣсто.

А на другой день былъ уже въ кухнѣ отставного полковника, готовилъ

Дѣтскія игры въ Обществѣ физического развитія и защиты дѣтей подъ руководствомъ В. Поворинской въ Харьковѣ.

гороховый супъ, кремъ и жариль куropatokъ.

Полковникъ оказался человѣкомъ одинокимъ, мягкимъ, добродушнымъ. Обѣдъ ему пришелся по вкусу. Онъ позвалъ меня и сказалъ:

— Ну, братецъ, можешь оставаться; готовиши ты, кажется, хорошо,—и назначилъ десять рублей въ мѣсяцъ.

Я остался и прожилъ всю осень и зиму; но наступила весна, выглянуло солнце, распустились деревья, и меня потянуло на воздухъ, на просторъ, въ поле.

Пришелъ я къ своему полковнику и говорю:

— Извините, ваше высокоблагородие, хочу получить разсчетъ.

Посмотрѣлъ на меня полковникъ и расхохотался.

— Ахъ ты, каналья этакая, говорить, пока было холодно и голодно—жиль, а потеплѣло—удирать задумалъ. Возьму, да и не дамъ паспорта. Впрочемъ, махнулъ онъ рукой, тебя этимъ, должно быть, не удивишь. Скажи хоть на прощанье, что ты за человѣкъ. Видъ у тебя не совсѣмъ простой, и говоришь ты не такъ, какъ другое.

Я посмотрѣлъ на полковника. Вижу—лицо доброе, хорошее, не предательское.

— Что жъ, Константина Петровичъ, если это ужъ вѣсъ такъ интересуетъ, скажу. Я народный учитель, и не Федотовъ, а Рѣпкинъ.

Полковникъ мой такъ разсмѣялся, что покраснѣлъ и началъ кашлять. Смѣялся онъ, должно быть, минутъ пять, потомъ успокоился, серьезно серьезно посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

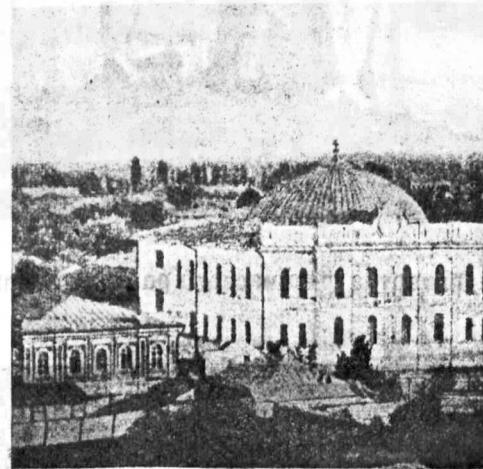
— Ну, Рѣпкинъ, сядьте и рассказите, какъ и почему дошли вы до жизни такой.

Я присѣлъ и рассказалъ ему все. Черезъ часъ мы навсегда разстались съ нимъ. При прощании онъ былъ задумчивъ, грустенъ, какъ-то особенно мягокъ и, цѣлуясь со мною, прибавилъ: вы мнѣ пишите. Это интересно...

— Но я ему не писалъ...

Разсказъ Рѣпкина прогналъ нашъ сонъ, и мы проболтали съ нимъ противъ обыкновенія до поздней ночи.

А когда онъ вмѣстѣ съ Рыжимъ

Синагога, недавно сгорѣвшая въ Полтавѣ.

ушелъ спать на сѣно, Фроль задумчиво замѣтилъ:

— Нѣть, братцы, не уложится онъ въ наши рамки, уйдетъ...

Слѣдующій день былъ праздничный, и мы спали больше, чѣмъ въ будніе, рабочіе дни. Карпычъ же поднялся чуть свѣтъ, разыскалъ доенку, выдоилъ коровъ, развелъ самоваръ, обошелъ и осмотрѣлъ нашъ домъ и дворъ; потомъ, когда всѣ были на ногахъ, втащилъ самоваръ, приготовилъ чай, хлѣбъ, стаканы и усѣлся вмѣстѣ съ нами за столъ.

— А у вѣсъ, господа, нѣть ни одной бабы, оказывается?

Это мнѣ нравится, это вполнѣ по Толстому. Не будетъ ни грѣха, ни ссоръ, ни болтовни. Плохо только, что вы, должно быть, ничего не читаете: нигдѣ ни одной книжки.

— Э, отвѣтилъ кто-то изъ насть, что книги. Книги вздоръ. Что нужно было— прочли, а больше не требуется. Вѣдь, въ книгахъ или про любовь—или про то, какъ живутъ какіе-нибудь никакудышные люди. А на что намъ про это знать? Вы, можетъ быть, еще хотѣли бы, чтобы у насъ стоялъ рояль, висѣли картины...

— Ну, для чего музыка и картины? сказалъ Карпычъ. Отъ этого былъ бы только вредъ. Сейчасъ бы, гляди, и бабы появились.

— А отъ книгъ? Отъ книгъ, вѣдь, тоже всякая дрянь въ голову полѣзеть.

Карпычъ согласился и остался очень доволенъ нашей послѣдовательностью и стойкостью.

Онъ даже еще больше повеселѣлъ, стала спокойнѣе. Послѣ чая, убравъ со стола, онъ сказалъ:

Ну, братцы, а теперь позвольте мнѣ показать вамъ свое кулинарное искусство. Идите, работайте себѣ, а я разведу печь и начну готовить. Скажите только, гдѣ у васъ провизія и что вамъ сварить: щи или борщъ?

— Вари, что хочешь, только побольше—разсмѣялся Прокуроръ,—такъ называли мы Сергѣева, бывшаго раньше помощникомъ присяжнаго повѣренного.

И когда всѣ разошлись, кто кормить свиней, кто точить косы, кто убивать скотъ, кто просто дѣлать что-нибудь во дворѣ по хозяйству, Карпычъ принялъ готовить обѣдъ.

Черезъ нѣкоторое время изъ открытыхъ оконъ кухни до нашего слуха доносился уже его мягкий, пріятный тенорокъ. Онъ пѣлъ:

Бѣлѣть парусъ одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ.

Пѣлъ Карпычъ съ большимъ чувствомъ, такъ что Прокуроръ пересталъ налаживать повозку, поднялъ голову и стала вслушиваться.

Онъ любилъ музыку, искусство, литературу и когда-то довольно недурно игралъ на скрипкѣ.

Мы называли его бариномъ, бѣлоручкой, бабникомъ, эстетомъ и часто по тому или другому поводу подтрунивали надъ нимъ. А Фроль говорилъ прямо: Охъ, Прокуроръ, не выдержишь ты нашей жизни, сбѣжиши...

На все тихій, кроткій Прокуроръ только улыбался и, чтобы нагляднѣе опровергнуть взводимыя на него обвиненія и подозрѣнія,—бралъ на себя самую тяжелую работу, бравировалъ грубостью и простотой своихъ вкусовъ и требованій. Онъ даже рѣдко умывался, чесалъ голову и мѣнялъ бѣлье.

— Прокуроръ! закричалъ ему Фроль, замѣтивши, что онъ поглощенъ пѣснею Карпыча,—ты что это уши развѣсилъ? Нечего тамъ, нечего, ишь ты, дьяволъ, уже почуялъ.

Прокуроръ улыбнулся и снова сталъ осматривать колеса повозки.

— Да это я не къ пѣснѣ, а къ го-

лосу: голосъ болно ужъ пріятный,—крикнулъ онъ Фролу.

— Знаемъ, знаемъ, Надо предупредить этого словья, чтобы онъ тебя не смущалъ, ты, вѣдь, у насъ и безъ того, что волкъ: того и гляди въ лѣсъ удерешъ.

На обѣдъ Карпичъ приготовилъ намъ дѣйствительно великолѣпныя щи, какую-то особено вкусную кашу, и, когда мы ъли все это и похваливали, онъ краснѣлъ отъ удовольствія и былъ несказанно счастливъ, что такъ блестяще доказалъ свои кулинарныя способности.

За обѣдомъ Фроль рассказалъ, какъ Прокуроръ слушалъ пѣніе Карпича, и всѣ стали подтрунивать надъ нимъ. Но онъ, по обыкновенію, глядѣлъ въ тарелку, ъль и улыбался, а потомъ, поднявъ на Карпича свои голубые задумчивыя глаза, сказалъ:

— Вы, Карпичъ, если можно, не пойте. Пѣть въ нашей колоніи тоже не полагается. На словѣ „тоже“ Прокуроръ сдѣлалъ особенное удареніе, и въ немъ было раздраженіе, иронія, упрекъ.

Лицо Карпича нѣсколько омрачилось.

— Вѣрно, пѣть тоже не слѣдуетъ—отвѣтилъ онъ черезъ минуту, но въ тонѣ его не было обѣженности, и поэтому Рижій, подмигнувъ въ сторону Карпича, замѣтилъ:

— Охъ, Карпичъ, вы, кажется, Прокурору сродни. Смотрите, не удерите отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ...

— Ну, что вы, право, отвѣтилъ Карпичъ. Бабъ я не выношу, а удратъ отсюда только изъ-за бабы и можно.

Съ этого дня Карпичъ уже не пѣлъ. Онъ исправно несъ свои поварскія обязанности, доилъ коровъ, стиралъ и штопалъ наше бѣлье,

Въ Карпичѣ было что-то кроткое, мягкое, грустное. Говорилъ онъ мало, но работаль много и съ удовольствіемъ. Его всѣ цѣнили и любили.

Такъ прошло около мѣсяца.

Жизнь въ нашей колоніи текла однобразно. Работали, ъли, спали. Книгъ никто не читалъ, да и некогда было, а если привозили изъ города газету, то прочитывали въ ней только телеграммы и въ обсужденіе событий не вдавались, такъ какъ каждому казалось, что все, что виѣ нашей колоніи и цѣлей, чепуха, не стоящая вниманія, причины, ходъ, значеніе и послѣдствія которой намъ уже известны... Наоборотъ, то, что другихъ могло бы огорчить,—слухъ о войнѣ, эпидемія, дѣйствія правительства,—насъ только радовало, какъ доказательство ненормальности отвергнутой нами жизни.

День бѣлаго цвѣтка въ Петербургѣ.

Выходъ продавщицъ для продажи цвѣтка.

Среди публики.*

У Сената.

Карпичу эта сторона нашей жизни, повидимому, не совсѣмъ нравилась, и однажды, за обѣдомъ, онъ сказалъ:

— Скучно у насъ, братцы. Не открыть ли намъ школу? Смерть какъ люблю ребятъ. Вспомню о нихъ и за-грущу.

— Да вы, Карпичъ, никакъ съ ума сошли!.. возразилъ ему кто-то. Вѣдь, васъ сейчасъ же упекутъ, а если не такъ, то какъ же вы безъ попа обойдетесь?

— Вы вродѣ Ваньки: онъ соскучился по своей медицинѣ и хотѣлъ лечить, а вамъ захотѣлось учить. Нѣтъ, Карпичъ, это не подойдетъ...

Карпичъ стыдливо умолкъ.

Вечеромъ, послѣ ужина, онъ ушелъ, сѣлъ неподалеку отъ двора на пригоркѣ и опять запѣлъ. „Бѣлье парусъ одинокій въ туманѣ моря голубомъ“.

Съ этого же дня онъ каждый вечеръ подолгу сидѣлъ на пригоркѣ и пѣлъ. Рядомъ съ нимъ садился и подтѣгивалъ Прокуроръ, и это совмѣстное пѣніе сближало Карпича съ Прокуроромъ больше, чѣмъ его кулинарное искусство со всѣми остальными.

— Охъ, говорилъ иногда Фроль, какъ бы изъ этого пѣнія чего-нибудь не вышло. Прокуроръ становился все молчаливѣе и молчаливѣе, а Карпичъ грустилъ. Но мы рѣшили не мѣшать ихъ пѣнію и не высказывали своихъ опасеній...

Въ началѣ августа у насъ собралось много огурцовъ. Мы рѣшили нагрузить ими воза два—три и отправить для продажи въ губернскій городъ, до котораго было верстъ сорокъ. Въ такихъ случаяхъ нами командировался обыкновенно Рижій. Онъ росъ въ купеческой семье, имѣлъ коммерческую жилку и любилъ торгаство, какъ художникъ: умѣлъ поговорить, показать товаръ лицомъ, сбыть по хорошей цѣнѣ.

Но на этотъ разъ поѣхать съ огурцами захотѣлъ Прокуроръ.

— И за коимъ чортомъ ты поѣдешь? говорилъ ему Рижій. Тебѣ ли, лѣщему, торговать. Да, вѣдь, тебя обмороить первый встрѣчный.. Вѣдь, торговля не юриспруденція... Прокуроръ стоялъ на своемъ и въ концѣ концовъ, послѣ шутливой борьбы съ Рижимъ, взобрался на повозку и поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ.

Весь этотъ и слѣдующій день Карпичъ былъ почему-то угрюмъ, разстроенъ, молчаливъ и вечеромъ не ходилъ уже пѣть на бугорокъ. Онъ точно предчувствовалъ что-то недобroe. И поблѣднѣлъ, когда на третій день утромъ ко двору подѣхали три повозки, но съ однимъ сѣдокомъ—Рижимъ.

— А гдѣ же Прокуроръ? испуганно спросилъ онъ, открывая ворота.

Рыжій махнулъ рукой, слѣзъ съ повозки и подаль Карпичу записку.

— На, вотъ, полюбуйся.

Карпичъ раскрылъ записку, пробѣжалъ ее глазами и схватился обѣими руками за голову.

— Господи, что я надѣлъ, что я надѣлъ! Сѣжалъ, отъ пѣсень моихъ сѣжалъ. Жизни, свободы, разнообразія, любви хотѣлось! Охъ, я, окаянный. Что же мнѣ дѣлать теперь?

ДЕНЬ БѢЛОЙ РОМАШКИ ВЪ МОСКВѢ.

Продавщица.

Плакатъ.

Кавалеръ.

Подъ дождемъ.

— Да ничего, угрюмо и раздражительно отвѣтилъ Рыжій. Не онъ первый, не онъ послѣдний; мы всѣ знали, что Прокурору тутъ не по себѣ, онъ только притворялся.

Такъ же, какъ и Рыжій, отнеслись къ бѣгству Прокурора и всѣ остальные; сердился только Фроль.

— И зачѣмъ эти поэты, бѣлоручки, садятся не въ свои сани? — говорилъ онъ. Торчалъ бы въ судѣ, игралъ бы на скрипкѣ, возился бы съ какою-нибудь юбкой. Такие только все дѣло портятъ, и Карпичъ удеретъ, увѣряю васъ, удеретъ.

Карпичъ обижался. Я? Удѣру? Къ бабамъ? Не говори это, Фроль, ты меня обижашь, — и на глазахъ его выступали слезы. Вотъ пѣть я не буду, честное слово, не буду. Пѣть нельзѧ. Вотъ не пойя, гляди — и Прокуроръ не сѣжалъ бы.

И Карпичъ уже никогда не пѣль, а если, подшучивая надъ нимъ, мы просили спѣть: „Бѣлѣеть парусъ одинокій“ или „Ночька темная, ночь осенняя“ — краснѣль, какъ провинившійся школьникъ, и, покачивая головой, говорилъ:

— Ну и подвель меня этотъ Прокуроръ!

куроръ. Вѣкъ не забуду, должно быть.

Онъ сталъ утомлять себя самой тяжелой работой, послѣ обѣда пахалъ, косилъ, пололъ и таскалъ тяжести.

Но послѣ ухода Прокурора наше общее настроеніе какъ-то измѣнилось. Не такъ работали, не было замѣтно прежняго подъема и увѣренности въ правильности своего пути. Кое-кто открыто уже говорилъ о скучѣ, тянулся къ книгѣ, къ людямъ... А черезъ два мѣсяца ушелъ еще одинъ, затѣмъ другой, третій.

Это произвело на Карпича сильное впечатлѣніе. Онъ загрустилъ и въ одну зимнюю ночь скрылся, оставивъ намъ коротеньку записочку.

— Ухожу, братцы. Не къ бабамъ, нѣть, а въ жизнь. Въ вашихъ рамкахъ тяжело душѣ, человѣческой. Лучше грѣхъ, пестрота, страданіе и горе,

На Тверскомъ бульварѣ.

чѣмъ такое никому не нужное подвижничество, въ которомъ только окаменѣешь. Прощайте...

— Ну, не я-ли говорилъ вамъ, что Карпичъ тоже удеретъ? — воскликнулъ Фроль, прочитавъ записку.

Мы глубоко задумались, и намъ никогда не было такъ грустно и тяжело, какъ въ этотъ день.

Изъ семи насъ осталось только трое: я, прирожденный бѣбель, грубоватый весельчакъ Рыжій и добрый, мяг-

кий, апатичный скептикъ Фроль, личная жизнь котораго давно была разбита.

И на нашемъ столѣ, сначала изрѣдка, затѣмъ все чаще и чаще стало появляться то, передъ чѣмъ было пустякомъ все остальное: женщины, музыка, пѣніе, литература:

Мы стали... пить.

А года черезъ два послѣ того, какъ ушелъ Карпичъ, Фроль получилъ письмо. Письмо было отъ врача одного изъ холерныхъ пунктовъ.

Онъ сообщалъ, что санитаръ Севастьянъ Рѣпкинъ умеръ, заразившись

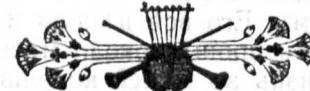
Студентъ-продавецъ.

холерой, и, умирая, просилъ переслать его предсмертную записку. Записка находилась въ серединѣ письма.

На клочкѣ бумаги нервнымъ, нетвердымъ почеркомъ было написано:

Какъ прекрасна, какъ интересна жизнь. Бросьте, братцы, бросьте. Идите лечить и учить. Карпичъ — Поздно! трагически произнесъ Фроль своимъ сильнымъ, но пьянымъ хриплымъ голосомъ и, облокотившись на столъ, крѣпко закрылъ лицо руками.

Ф. Антоновичъ.

ЦИНКОГРАФІЯ

„Южнаго Края“,

Харьковъ, Сумская, 13.

принимаетъ заказы на всевозможнаго рода клише.